

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1672–1681 ГОДОВ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

© 2020 г. П.А. Аваков

*Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Федерального исследовательского центра
Южного научного центра Российской академии наук*

E-mail: pavakov@mail.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-09-42049 «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней
и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII в.».*

В статье на основе нового материала освещается ход первой русско-турецкой войны на ее периферийном театре в 1672–1677 гг. Показано, что донские казаки и размещенные в низовьях реки Дон русские войска на первом этапе войны создавали ощутимую угрозу Азову и отвлекали значительные военные силы османов от других фронтов.

Based on new material, the article highlights the course of the first Russo-Turkish war at its peripheral theater in 1672–1677. It is shown that the Don Cossacks and located in the lower Don River Russian troops at the first stage of the war created a tangible threat to Azov and diverted significant Ottoman military forces from other fronts.

Ключевые слова: Северо-Восточное Приазовье, Азов, русско-турецкая война 1672–1681 гг., Россия, Османская империя.

Keywords: North-Eastern Azov Sea area, Azov, Russo-Turkish War of 1672–1681, Russia, Ottoman Empire.

DOI: 10.31857/S0869544X0010410-4

Начиная с Азовских походов 1695–1696 гг. и до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Северо-Восточное Приазовье являлось ареной перманентного военно-политического противоборства между Российским государством и Османской империей. То вспыхивая, то затихая, оно не прекращалось на протяжении всего периода. Между тем, эта ситуация начала складываться задолго до Азовских походов Петра I и была подготовлена развитием русско-турецких отношений в предшествующие годы XVII в. Проводившиеся российским правительством в это время в регионе военные акции хотя и освещались в трудах отечественных историков, но лишь эпизодически – в рамках комплексного изучения истории России указанного периода (см., например, [1]) и ее отдельных проблем [2–9].

Активизировавшиеся во второй половине XVII в. военные операции российских войск против Османской империи в низовьях реки Дон и на Азовском море до сих пор не были предметом специального изучения, не смотря на возросший в последние годы интерес исследователей к военной истории России этой эпохи. Стремясь заполнить отмеченный пробел в историографии, мы поставили своей целью изучить ход боевых действий в Северо-Восточном Приазовье во время первой в истории русско-турецкой войны¹, определить их значение в развитии конфликта и конкретный результат.

Оказав в 1646 и 1648 г. военную помощь Войску Донскому, Российское царство непосредственно присоединилось к его борьбе с османской агрессией, одним из очагов которой с последней четверти XV в. являлся Азов [11. С. 367–461, 508–509, 512–541]. Тем самым Москва встала на путь стратегического противостояния Османской империи в Северо-Восточном Приазовье – пока только в форме ответных оборонительных действий. С тех пор российские войска периодически отправляли в низовья Дона.

В 1660-е годы Россия впервые вступила в открытую военную конфронтацию с османами на территории Азакского (Азовского) санджака. Поводом для этого послужила попытка Стамбула отодвинуть границу в устьях Дона чуть севернее, построив две каменные башни на протоке Каланче и каменную крепость Сед-Ислам на правом берегу Мертвого Донца – северного рукава Дона, которую казаки прозвали Лютином по протекающему рядом ерику (ручью) [12. Стб. 729–731, 734–740, 760–761, 765–766; 13. С. 128, 208–212; 5. С. 281–282]. Сдерживание османской экспансии в регионе правительство царя Алексея Михайловича поручило воеводам стольникам Ивану Севастьяновичу и Семену Савельевичу Хитрово, которые в октябре 1660 г. прибыли к Черкасску во главе войска в составе двух солдатских полков и восьми стрелецких приказов, насчитывавших 6 098 человек. Воеводам предписывалось действовать против новых османских укреплений совместно с Войском Донским [12. Стб. 750, 760; 14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23–25об.].

В марте 1661 г. И.С. Хитрово и донские казаки попытались овладеть крепостью Лютин. Ее осада шла успешно, начался штурм, но неожиданно не присутствовавший при этом воевода отдал своим войскам приказ отступать. В августе донцы и русские ратные люди осадили Каланчинские башни, но попытка взять их приступом тоже окончилась неудачей [12. Стб. 761, 766, 845, 850, 858; 2. С. 248–249].

Расценивая постройку османских укреплений в дельте Дона как акт агрессии, правительство царя Алексей Михайловича не собиралось мириться с этим и в последующем. Военные операции в регионе возобновились после заключения в Москве 30 марта 1672 г. союзного договора между Российским государством и Речью Посполитой, направленного на борьбу с османской экспансией. Выполняя союзнические обязательства, Россия вступила в войну с Османской империей и Крымским ханством, которые посягнули на польские земли и захватили в августе город Каменец-Подольский [15. № 513, 531, 535, 543, 544, 545, 547, 548, 550, 551; 3. С. 125–127; 16. С. 46–51; 9. С. 99–101; 17. С. 115–117; 18. С. 75, 79–80].

Характерно, что еще в марте и мае, т.е. до вторжения османской армии в Подолию, в целях «отвращения» войны российское правительство поручило Войску

¹ Автор статьи не разделяет распространенную в историографии точку зрения, согласно которой первой войной между Россией и Османской империей считается организованный султаном Селимом II Астраханский поход 1569 г. (см., например, [10]), поскольку в русских и османских источниках отсутствуют сведения о непосредственных столкновениях войск обеих стран в то время. Об этом упоминается лишь в двух источниках польского происхождения, один из которых имеет опосредованный характер.

Донскому «на Черное море стругами выходить и турецкого салтана и крымского хана жителем разоренье чинить» [19. С. 80; 3. С. 121–122; 20. С. 115; 2. С. 304]. Выполняя это поручение, в июле донские казаки во главе с войсковым атаманом Корнилой Яковлевым (Черкасом) осадили Каланчинские башни, одну из них разрушили артиллерийским огнем «до подошвы», но из-за начавшегося наводнения вынуждены были снять осаду. Затем донцы с калмыками совершили набег на Азов, в ходе которого захватили около четырехсот пленных и девятьсот голов скота [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 41–41об., 101об.; 21. С. 88–89; 3. С. 122; 2. С. 304]. Так началась первая русско-турецкая война, кульминацией которой стали Чигиринские походы 1677–1678 гг., а финалом – Бахчисарайский мир 1681 г.

В исторической литературе не сложилось единого мнения о хронологических рамках этого военного конфликта, в особенности – о его начальной дате. Обращая на это внимание, В.П. Загоровский привел три наиболее распространенных варианта датировки и отметил, что трудности с определением времени начала войны обусловлены тем, что ее официального объявления не было [6. С. 76–77]. Продолжу его историографические наблюдения и дополню их еще несколькими примерами.

А.Н. Попов, а вслед за ним и Н.А. Смирнов, сузили хронологию войны рамками Чигиринских походов 1677–1678 гг., во время которых произошли сражения непосредственно между османскими и российскими войсками [22. С. 146–172; 3. С. 125–173]. Большинство других авторов безоговорочно связали окончание конфликта с заключением Бахчисарайского мирного договора в 1681 г.

Н.И. Косиненко назвал войну семилетней и датировал ее 1674–1681 гг., начиная с первых двух походов русско-украинского войска воеводы князя Г.Г. Ромодановского и гетмана И.С. Самойловича за Днепр против вассала османского султана гетмана П.Д. Дорошенко, закрепившегося в Чигирине [23. С. 7, 24–28].

Я.Е. Водарский в названии и тексте своего очерка одновременно указал две разные даты начала войны: 1676 и 1677 гг. Первая дата ознаменована третьим походом русско-украинского войска за Днепр, итогом которого стало взятие Чигирина и переход П.Д. Дорошенко в российское подданство. Однако описание войны Я.Е. Водарский ведет с кампании 1677 г., когда поход к Чигирину предприняла уже османская армия, потерпевшая неудачу при попытке овладеть крепостью. Аналогичным образом недавно поступила и М.Р. Яфарова, подчеркнувшая, «что именно с 1677 г. взаимоотношения Османской империи и Московского государства меняют свой характер и переходят в фазу прямого вооруженного конфликта» [24. С. 518, 521; 25. С. 7].

Отталкиваясь от военной операции, в результате которой Россия овладела Чигирином, Г.П. Мещеряков отнес начало войны к 1676 г. Эту датировку позже принял и украинский историк В.Н. Заруба, но с оговоркой, что война России против П.Д. Дорошенко в 1674–1676 гг. «de jure была войной с Турцией» [26. Стб. 374–375; 27. С. 6, 23–25, 30, 322–323].

В.П. Загоровский пришел к выводу, что война началась в 1673 г., когда по приказу султана крымский хан бросил в атаку на южнорусские земли «весь Крым», а российский отряд открыл военные действия против османских укреплений в низовьях Дона [6. С. 77, 78–79, 82].

Оригинальный взгляд на этот военный конфликт содержится в работе С.Ф. Фаизова, написавшего об «участии России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг.», которую он отделил от «первой русско-турецкой войны» 1677–1681 гг. Парадоксально, но ученый не посчитал суверенное Российское

царство самостоятельной воюющей стороной в коалиционной войне и как бы приравнял его к Крымскому ханству — вассальному государству в составе Османской империи [8. С. 4–5, 22–24, 146–173, 178–181, 192–193; 9. С. 98–116]. А.П. Богданов не без оснований квалифицировал эту точку зрения как особого рода заблуждение и даже издевательство [28. С. 62; 29. С. 109–110]. Разделение одной войны на две лишь на том основании, что до октября 1676 г. Россия вела ее в союзе с Речью Посполитой, представляется искусственным, необоснованным и методологически ошибочным.

По мнению А.П. Богданова, Россия объявила войну Турции в октябре 1672 г. [28. С. 61; 29. С. 108–109]. Примечательно, что ученый не конкретизировал, каким образом это было сделано. Вероятно, он связал объявление войны с обнародованием в Москве и других российских городах царских грамот от 6 октября 1672 г., в которых сообщалось, что напавший на Польшу османский султан и «на государство Московское тщится идтить войною», и в этой связи приказывалось всем служилым людям быть готовыми к «государевой службе». Однако вряд ли это расплывчатое распоряжение о подготовке к военной мобилизации можно расценивать как манифест об объявлении войны. На такой манифест больше похожа грамота от 27 ноября 1672 г., в которой декларировалось намерение царя «идтить своею государскою особою против неприятеля своего, турецкого салтана» [30. С. 250–254].

Г.В. Ходырева и Б.Н. Флоря приурочили начало войны России с Турцией к лету 1672 г., когда запорожские и донские казаки по указанию Москвы атаковали Крым и османские крепости в устьях Дона [31. С. 88, 93; 20. С. 130–131; 32. С. 111]. А.В. Малов, П.В. Седов, Р.С. Кривоченков и А.Н. Лобин тоже датировали войну 1672–1681 гг. [33. С. 556–558; 34. С. 285; 35. С. 81–87; 36. С. 29]. Последняя датировка представляется наиболее обоснованной, так как в 1672 г. донцы и запорожцы, следуя политической воле российского правительства, открыли боевые действия против османов и крымцев, а находившиеся в Москве крымские посланники были сосланы в Вологду и посажены в тюрьму [16. С. 51–52; 8. С. 146–148; 9. С. 100–101; 32. С. 111; 18. С. 80; 20. С. 115–116]. Донские казаки с 1671 г. являлись подданными русского царя [37. С. 183–187; 38. С. 32–33] и, следовательно, участвовали в войне с Османской империей в качестве представителей вооруженных сил России².

После получения сведений о падении Каменца-Подольского Москва официально санкционировала взятие Каланчинских башен силами донских казаков, но в отношении Азова у правительства были более скромные планы. «А буде вы, атаманы и казаки, чаете у турков в Азове безопасно житье, — говорилось в грамоте от 10 октября 1672 г., — и вы б над Азовом всякой промысл [...] чинили ж» [15. № 533; 14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 43–44]. Таким образом, овладение Азовом и изгнание турок из низовьев Дона, несмотря на надвигающуюся угрозу их нападения на Украину, московская внешнеполитическая доктрина по-прежнему не предусматривала. Планируя нанесение удара по одному из самых уязвимых с военной точки зрения пограничных форпостов Османской империи, судья Посольского приказа окольничий А.С. Матвеев надеялся таким образом удержать султана от нападения на Россию. Относительная быстрота османского наступления в Подолии, по

² На этом основании нельзя согласиться с А.С. Алмазовым, полагавшим неправильным «считать началом войны действия донских казаков в районе Азова в 1672–1676 гг., поскольку сама Россия официально не признавала донских казаков своими подданными». Некорректной и фактологически неточной является и проведенная историком параллель с событиями 1637–1642 гг., когда захватившие Азов донцы просили у царя помощи, но Земский собор якобы отказал им «как нерусским подданным» [39. С. 149].

замечанию С.Ф. Фаизова, предопределила развитие боевых операций в Приазовье, изначально запланированных в качестве превентивных, «лишь параллельно с осадой Каменец-Подольского и Львова» [8. С. 147; 9. С. 100]. Ответной мерой Стамбула стала организация весной 1673 г. набега, в ходе которого крымские татары разорили нескольких уездов в районе Белгородской черты [14. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 43 об.—44; 5. С. 285; 40. С. 71–73].

В 1672 г. донские казаки не смогли довести борьбу за Каланчинские башни до победного конца. К началу следующего года разрушенная ими башня была восстановлена. Однако этим военно-оборонительные мероприятия турок в низовьях Дона не ограничились: предвидя новое нападение казаков, в Стамбуле приняли решение реконструировать укрепления Азова и сделать их более мощными. Для реализации этого проекта весной 1673 г. к гирлам Дона было послано тридцать три судна, нагруженных строительным камнем и известью. Суда доставили в крепость полторы тысячи янычар, одновременно степью пришла ногайская и башкирская конница, насчитывавшая, по разным данным, от одной до трех тысяч всадников. Вскоре около семисот азовцев, ногайцев и башкир отправились в набег к южным границам России. Кроме того, в Азове ожидалось прибытие двадцатитысячной крымской конницы во главе с калгой-султаном, а также черкесских отрядов из Тамани и Темрюка [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 130, 137–137об., 143об.—145об.]. Но эти силы в крепость так и не пришли.

В целях активизации боевых действий против Османской империи и достижения в борьбе с ней ощутимых результатов, в начале 1673 г. в Москве вновь решили послать в низовья Дона воеводу с ратными людьми [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 87об., 91–92, 118об., 131]. При подготовке экспедиции Посольский приказ использовал опыт приказа Казанского дворца, организовавшего поход воеводского полка на Дон в 1660 г. [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 23–27об.]

В июне 1673 г. из Воронежа к Черкасску на судах пришел полк воеводы думного дворянина Ивана Севастьяновича Большого Хитрово, сформированный из двенадцати стрелецких приказов численностью 7403 человека³ [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 365, 369об.—376, 512об.; 1673 г. Д. 13. Л. 27, 65]. Сложно понять мотивацию руководства Посольского приказа, пославшего на Дон воеводу, уже командовавшего там войсками в 1660–1661 гг., но не добившегося при этом военного успеха и вызвавшего недовольство Войска Донского. Вероятно, некомпетентность главного полкового воеводы должен был компенсировать его товарищ — более опытный военачальник стольник и полковник Григорий Иванович Косагов. По прибытии стрельцы построили напротив Черкаска новое земляное укрепление, известное в источниках под названием «ратного Черкасского городка» или просто «Ратного городка» [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 27, 28, 35; Д. 13. Л. 65, 149; 1674 г. Д. 16. Л. 110; 1676 г. Д. 13. Л. 65, 69, 73, 87, 88, 95; Д. 16а. Л. 1; 41. Оп. 1. Д. 2221. Л. 16; Оп. 2. Д. 1389. Л. 1; 42. С. 303, 305, 310–313, 315; 43. С. 352; 44. С. 40].

А.Н. Лобин связал отправку на Дон воеводского полка с якобы запланированным «широкомасштабным походом» на Азов крупных военных сил во главе с царем Алексеем Михайловичем. Без опоры на какие-либо конкретные данные

³ Утверждение Н.А. Смирнова и В.П. Загоровского о том, что отправленное на Дон в 1673 г. войско состояло из двух солдатских полков и восьми стрелецких приказов, следует признать ошибочным, так как оно не подтверждается источниками. Вопреки утверждению С.Ф. Фаизова, рейтар в рядах этого пехотного войска не было. Противоречит документальным данным и указанная Н.А. Смирновым численность полка И.С. Хитрово по прибытии на Дон, на что уже обращал внимание В.П. Загоровский [3. С. 129; 5. С. 285; 6. С. 82; 8. С. 151; 9. С. 102]. Указанная мною численность войска отражает ситуацию на шестой день после его прибытия к Черкасску (19 июня 1673 г.).

историк считал полк воеводы И.С. Хитрово авангардом «государева полка», сбор которого был намечен на весну 1673 г. в Путивле [36. С. 30, 33–40]. Между тем, сохранившиеся источники не оставляют возможности для подобных домыслов и позволяют признать эту версию несостоятельной. В этой связи, любое упоминание об «Азовском походе Алексея Михайловича» 1673 г., пусть и несостоявшемся [45. С. 135; 46. С. 9], следует считать некорректным.

Согласно полученному в Посольском приказе наказу, воевода И.С. Хитрово должен был совместно с Войском Донским взять Каланчинские башни, и «на тех Каланчинских башнях сделать город как пристойно, и укрепить накрепко, и войсковыми людьми осадить, чтоб во время неприятельского приходу сидеть в них было мочно», после чего послать азовскому паше составленную в Москве грамоту с требованием прекратить войну с Польшей и угрозой ответного вторжения российских войск во владения османского султана и крымского хана [2. С. 306; 14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 307об.–308, 450об.–459об.]. Как ни парадоксально, но усиливая военное давление на Порту в таком болезненном для нее месте, как Азовский санджак, российское правительство вовсе не стремилось к эскалации конфликта, а наоборот, преследовало миротворческую цель. Об этом руководство Посольского приказа 30 декабря 1672 г. прямо заявило станичному атаману зимовой станицы донских казаков Фролу Минаеву, объясняя необходимость постройки укреплений на месте Каланчинских башен, «чтоб чрез те крепости впредь на море на промысл и Крыму на вред был свободный путь, чтоб конечно темы промыслы унять турецкую и крымскую войну». Эта же идея звучала и в отправленной Войску Донскому грамоте от 3 марта: атаманам и казакам следовало объявить воеводе «мысль свою войсковую», «каким обычаем над Каланчинскими башнями промысел чинит, чтоб общею [...] службою турецкого салтана от войны унять» [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 96об.–97; Кн. 4. Л. 248–248об.].

В августе 4912 стрельцов под командованием воеводы И.С. Хитрово и 5000 донских казаков начали осаду Каланчинских башен. Интенсивность артиллерийского огня, открытого русскими пушкарями по башням, впечатлила даже выдавшего виды полковника Г.И. Косагова. Осада Каланчинских башен продолжалась три недели. Несмотря на более энергичные, чем в 1661 г., осадные действия, повторная попытка И.С. Хитрово взять башни провалилась [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 14–18, 27–30, 44; Д. 13. Л. 75–77; 47. Оп. 3. Д. 324. Л. 1; 2. С. 309, 310].

Во время их осады казачья флотилия из одиннадцати стругов вышла в Азовское море и, обойдя пришедшие на помощь Азову восемнадцать турецких галер, отправилась к берегам Крыма. На стругах находилось более трехсот казаков под командованием походного атамана Михаила Самарянина (Лукиянова). Достигнув северного побережья Керченского полуострова, они сожгли несколько татарских деревень в районе мыса Казан-рог (Казантип) и захватили языков, но не получили никакой добычи [14. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 79об., 122об., 330–331об.; 47. Оп. 3. Д. 324. Л. 6, 7].

Нападение российского войска на Каланчинские башни вызвало в Азове большую тревогу, так как крепость не была готова к осаде. Бежавший оттуда из плена донской казак Яков Данилов позже сообщил в Москве, что «в Азове было в то время великое страхование, потому что было безлюдно, и городовая стена была худа – в одном месте в нижнем горо[де] вывалилась стена на 50 сажень и больши, и в иных местех по тому ж были пролазы» [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 490–490об.]. В Азове тогда находились две тысячи человек пехоты и около пятисот человек конницы. Донские казаки настаивали на том, что вначале необходимо взять Азов, и лишь затем – атаковать Каланчинские башни, так как, по их мнению, крепость «имать

будет легче тех башен», которые «Азова вдесятеро крепче». «А как де Азов великому государю бог поручит, и тогда де в башнях турки сидеть не будут», — заявил на допросе в Посольском приказе 24 сентября 1673 г. станичный атаман Иван Харитонов. Османская империя приняла меры для наращивания военного присутствия в низовьях Дона заранее, до прихода туда российских войск. Еще в октябре 1672 г. в османском военном лагере под Каменцом-Подольским перед султаном Мехмедом IV были допрошены два пленных донских казака, которые сообщили, что весной 1673 г. к Азову «будут государевы ратные многие люди с пушками, и со всяким нарядом». В то время, когда воеводский полк был занят сооружением Ратного городка у Черкаска, к устьям Дона подошли десять османских галер и двадцать фуркатов (полугалер), которые доставили в Азов подкрепление. Турки в срочном порядке укрепили Каланчинские башни: окружили их земляным валом и рвом, наполненным водой. После отступления воеводы от башен прибыли еще двадцать пять галер с войсками, чья численность, по подсчетам казаков, доходила примерно до 3,5 тысяч человек. В результате гарнизон крепости увеличился до 6 000 человек, в том числе около шестисот человек конницы [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 31–32, 35–36, 43; 47. Оп. 3. Д. 323. Л. 3, 4; Д. 324. Л. 1].

Тем не менее, военное превосходство оставалось за объединенными силами российского воеводского полка и Войска Донского, насчитывавших в августе около 13 000 человек⁴ [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 27–28; Д. 13. Л. 59]. Но и этих сил для взятия Азова было недостаточно. Войсковой атаман К.Я. Яковлев в письме окольному А.С. Матвееву отметил, что для овладения крепостью потребуются не менее сорока тысяч пехоты и двадцати тысяч конницы, — «и с таким войском к Азову пытатца мочно, а с малым войском к Азову идти нельзя» [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 12. Л. 42; 1. Т. 12. С. 440]. Но направить такие крупные силы на Дон Москва в то время не могла.

Неудача под Каланчинскими башнями привела к изменению стратегического плана российского правительства. Было принято решение построить крепость на северном побережье Азовского моря, у устья реки Миус, чтобы создать там базу для военно-морских походов и перекрыть турецким судам путь к Азову [14. Оп. 1. Кн. 4а. Л. 332об.–333; 1673 г. Д. 12. Л. 45; Кн. 6. Л. 320–323; 1674 г. Д. 20. Л. 26–30; 19. С. 87, 92]. Для осуществления этого плана летом 1674 г. на смену воеводе И.С. Хитрово на Дон были посланы «сходные» воеводы: стольник князь Петр Иванович Хованский и уже служивший там в 1662–1664 гг. думный дворянин Яков Тимофеевич Хитрово, с подкреплением в количестве 5 613 человек по наряду. На этот раз помимо пехоты, представленной шестью стрелецкими приказами (3 633 человек), к Черкасску отправилась и конница: два рейтарских полка (1 439 человек) и татары сотенной службы (541 человек) [14. Оп. 1. 1674 г. Д. 10. Л. 14, 22–24, 40–40об., 70–71, 73–77, 91, 120; Кн. 6. Л. 328–335; 48. Стб. 828–829; 2. С. 314; 3. С. 132]. Г.И. Косагов остался в Ратном городке в качестве товарища новых воевод. Однако он задержался там ненадолго и по распоряжению правительства в конце 1674 г. был отпущен со службы в Москву [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 172об.–173об.; 1674 г. Д. 10. Л. 19, 121, 187–188, 190–191; 1673 г. Д. 12. Л. 19; Д. 15. Л. 42об.–43].

Слухи о походе на Дон дополнительных российских сил дошли до азовского санджакбея еще весной 1674 г., к тому же в сильно преувеличенном виде, и он

⁴ В указанное число включено лишь то количество донских казаков, которое участвовало в осаде Каланчинских башен — 5 000 человек. Общая численность боевых казаков Дона в 1672–1673 гг. превышала 10 000 человек. Половину из них войсковой атаман отнес к категории «самых добрых и промышленных молотцов» [14. Оп. 1. Кн. 3. Л. 103об, 139об.–140].

обратился к крымскому хану с просьбой прислать войска для обороны Азова от сорока тысяч царских ратных людей и казаков. По получении этих вестей Стамбул не замедлил принять превентивные меры. В июне пришедшие двумя партиями 30 турецких галер, а также несколько кораблей и мелких судов, доставили в крепость четыре тысячи «боевых и работных людей», около тридцати пушек, строительный лес и камень, а в устье Миуса на кочевье были оставлены четыре тысячи конных татар. В начале августа Муллагей-паша привел в крепость конницу — около 700 крымских татар и темрюкских черкесов. Взятые донцами турецкие языки сообщили, что после прибытия на суда дополнительных сил в количестве 4000 человек, в Азове сосредоточилось до 9000 воинов⁵. В крепости развернулись фортификационные работы. Однако прикомандированные войска пробыли в Азове меньше трех месяцев — в августе они были переброшены в оккупированную османами Подолию. В результате, к началу осени азовский гарнизон насчитывал не более 3,5 тысяч человек. Несмотря на то, что укрепления Азова были усилены и галеры доставили в крепость денежную казну и хлебные запасы (правда, в небольшом количестве), положение ее жителей не внушало им оптимизма. Освобожденный донскими казаками под Азовом «полоняник польской породы Ивашка Николаев» позже поведал в Москве, что азовцы «тужат вельми», поскольку «город де не корыстной, и которой был хлеб около Азова, русские и калмыцкие люди у них пожгли весь, и им де в Азове в осаде от русских людей помереть будет с голоду, да и город де вельми худ, и те де азовцы все плачют». По словам поляка, на крепостной ограде Азова было установлено всего восемь или девять старых пушек небольшого калибра, а те тридцать пушек, которые в июле привезли на галерах, «и ныне лежат в нестроении на берегу под городом» [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 628–628об., 647, 648; Кн. 7. Л. 260об.—261; Кн. 8. Л. 10–10об., 26об.—27, 33об.; 50. С. 174–175, 176, 177, 178; 2. С. 316–317].

В июне полковник Г.И. Косагов и донской походный атаман Родион Калужанин (Осипов) с отрядом ратных людей и казаков, воспользовавшись разливом Дона, беспрепятственно вышли на двадцати пяти стругах в море и направились к Крыму. Однако, увидев у Миусского лимана османский флот, они не рискнули идти дальше, и вынуждены были вернуться к Черкасску [14. Оп. 1. 1674 г. Д. 16. Л. 107–108, 110; Кн. 7. Л. 260об.].

Стремясь овладеть военной инициативой в регионе, османы попытались перейти от обороны к наступательным действиям. В июле, когда в Азове было особенно многолюдно, турецкая пехота на судах и ногайская и черкесская конница по суше выступили из крепости вверх по Дону. У его правого притока Аксяя их встретили русские ратные люди и дали бой, после чего неприятель отступил [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 647; 50. С. 124, 126].

В августе полковник Г.И. Косагов с ратными людьми и войсковой атаман К.Я. Яковлев с казаками совершили разведку боем в дельте Дона, разгромили татарский отряд у протоки Каланчи и взяли восемь языков [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 15. Л. 17–17об., 22об.—23об.]. Разумеется, подобные мелкие стычки не оказывали заметного влияния на положение противоборствующих сторон.

⁵ Эти сведения Н.А. Смирнов ошибочно отнес к 1675 г. [3. С. 133]. Российское правительство получало оперативную информацию о положении дел в Азовском санджаке одновременно из нескольких источников. Зачастую эта информация была противоречива, особенно в отношении количественных данных. Так, 22 августа 1674 г. семеро азовских и двое крымских татар, захваченных в плен казаками слободского Харьковского полка под Змиевым, показали на допросе в Белгороде, что весной в Азов пришли 130 судов с 2 000 турок на борту [49. Оп. 12. Д. 808. Л. 16, 18]. Последние данные в корне противоречат вышеприведенным сведениям, полученным донскими казаками.

Как и в 1646 г. (см. [51. С. 51]), Россия смогла укрепить свои позиции в регионе за счет привлечения дополнительных сил из Поволжья и с Северного Кавказа. 28 августа к Черкасску пришло многочисленное и многонациональное конное войско под номинальным командованием состоящего на царской службе кабардинского князя Касбулата Муцаловича Черкасского. Ядро и основную ударную силу его рати составляли посланные тайшой Аюкой 5000 калмыков, усиленные отрядами кабардинцев, чеченцев, союзных ногайцев и несколькими русскими служилыми людьми из Терского города. На состоявшемся вскоре совещании кабардинского князя с войсковым атаманом К.Я. Яковлевым были оговорены детали совместного наступления на Азов, которое началось 31 сентября. Русские ратные люди тоже приняли участие в операции, несмотря на индифферентное отношение к ней воеводы И.С. Хитрово. По суше к османской крепости отправилась конница — 5000 калмыков и 150 узденей князя К.М. Черкасского, а по Дону на судах пошла пехота — 3000 донских казаков и тысяча стрельцов во главе с Г.И. Косаговым, всего — более 8000 человек. 1 сентября на подступах к Азову их встретили около двух тысяч конных «азовских жителей и новоприбылых турских людей». В завязавшемся неравном бою противник был разгромлен, понеся большие потери убитыми и пленными. По словам крымского татарина Деведея, захваченного донцами и позже допрошенного в Москве, в том сражении «азовских и крымских татар и темрюков побили многих, что де в трупы и пройти было нельзя». Также атакующая сторона выжгла под Азовом пашню и отогнала все пасшиеся у крепости стада скота и табуны лошадей. Стремясь привлечь калмыков на службу царю, казаки даже «поступились» в их пользу общей добычей, оставив себе только пятнадцать языков и шестерых находившихся в неволе украинцев, взятых и отбитых самостоятельно [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 15. Л. 13—13об.; Кн. 8. Л. 27—27об.; 50. С. 169—174, 178—179, 181, 182]. Эта операция, сочетавшая в себе элементы набега и конного сражения, хотя и не имела ощутимых стратегических последствий, оказалась для российского командования в 1674 г. самой крупномасштабной и продуктивной на данном театре военных действий. Намеченное нападение на Крым силами калмыков и добровольцев из числа донских казаков, которое должен был возглавить князь К.М. Черкасский, из-за плохой организации Москве пришлось перенести на следующий год [52. С. 80].

Объединенное войско князя П.И. Хованского и Я.Т. Хитрово пришло в Ратный городок 11 сентября 1674 г. [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 15. Л. 25об.; Кн. 8. Л. 34об.] После проведенной разведки местности строительство крепости в устье Миуса было признано нецелесообразным и правительство отказалось от реализации этого плана [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 35—36; 1674 г. Д. 20. Л. 3; Д. 21. Л. 1, 3, 5, 7; Д. 22. Л. 7—8; 19. С. 93; 2. С. 314—315]. Вместо этого глава российского внешнеполитического ведомства боярин А.С. Матвеев принял решение построить в дельте Дона, поблизости с Азовом, сразу три городка: два на верхнем и нижнем устьях Казачьего ерика, и один на протоке Каланче. Таким способом предполагалось блокировать Азов и Каланчинские башни, и тем самым открыть русским и казачьим судам свободное плаванье в Азовское море, а также обезопасить южную границу России. По словам донского старшины Р.О. Калужанина — главного вдохновителя этого проекта, после его осуществления «те новопостроенные их казачьи городки, естли даст бог, Азову, и Лютину, и Каланчинским башням, и всем тамошним турским крепостям будут вместо осады. И с моря караблями и ис Крыму степью к Азову и х Каланчам неприятельским людем и многолюдством проход будет нужной, и на украинные великого государя города от Азова и ис Крыму войною и загонами приходить им будет немочно». Р.О. Калужанин советовал А.С. Матвееву разместить в нижнем городке на Казачьем ерике шесть

тысяч ратных людей, в верхнем городке — пять тысяч, а в третьем городке на Каланче — «хотя меньши», и заверил, что «донские казаки в тех городках жить будут, только б было им государево жалованье — хлеб» [41. Оп. 2. Д. 1356. Л. 5–12, 14–17; 14. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 104–106об.; 2. С. 317–318].

Запись допроса в Посольском приказе присланных с Дона станичного атамана Р.О. Калужанина, есаула С.Л. Лаврентьева и «выборных старых казаков» от 28 декабря 1674 г. свидетельствует, что А.С. Матвеева всерьез интересовали перспективы овладения Азовом. По этому поводу донцы заявили, что если царь укажет «чинить бы промысл над Азовом, и к Азову приходить им приступами, и чтоб было их, казаков, и великого государя ратных людей многое число — тысяч тридцать или сорок; и теми людьми Азов возьмут ли, или нет, того они не ведают, только могут неприятельским людям учинить разоренее великое». Также Р.О. Калужанин и его спутники считали целесообразным перевести на кочевье к Азову калмыков, которые в результате этого «приход ис Крыму ратных людей к Азову отмут» [41. Оп. 2. Д. 1356. Л. 12–14]. Заинтересованность в подобных проектах свидетельствует как о широте маневра, возможность которого открылась перед российским правительством, так и об отсутствии у него четко продуманного стратегического плана.

10 июля 1675 г. в низовья Дона пришло очередное пополнение — полк «сходного» воеводы стольника князя Ивана Михайловича Кольцова-Мосальского, насчитывавший 3271 человек. Князь должен был сменить воеводу Я.Т. Хитрово, отозванного в Москву [14. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 119об.; Кн. 8. Л. 573об.—574; 48. Стб. 1247].

Подсчеты Н.А. Смирнова, согласно которым к лету 1675 г. на Дону собралось 20 365 ратных людей, основаны на недоразумении [3. С. 132–133]. Исследователь сложил списочную численность трех воеводских полков, последовательно направлявшихся на Дон с 1673 по 1675 г., совершенно не учитывая многочисленных фактов почти непрерывного массового бегства ратных людей и их высокой смертности. Побег ратных людей начинались уже в пунктах сбора войск, продолжались в пути, и достигали небывало огромных размеров по прибытии на место дислокации. Так, 9 апреля 1673 г. сформировавшийся в Воронеже полк И.С. Хитрово насчитывал 8 285 человек [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 369, 369об.]. По дороге к Черкасску это количество сократилась на 1 394 человека: 127 из них умерли, остальные 1 267 сбежали [14. Оп. 1. 1673 г. Д. 18. Л. 6]. После пятнадцати месяцев дислокации в Ратном городке к 4 сентября 1674 г. в полку И.С. Хитрово осталось 3 723 стрельца [14. Оп. 1. Кн. 7. Л. 264–264об.; 50. С. 183] (см. также [2. С. 312–313]). В течение шестнадцати дней пути от Тамбова к Хоперской пристани с 16 июля по 1 августа 1674 г. из полка князя П.И. Хованского, численность которого до объединения с полком Я.Т. Хитрово первоначально составляла 3 144 человека, бежали 314 ратных людей [14. Оп. 1. Кн. 6. Л. 609об., 626–626об.]. В ходе комплектации в Воронеже полка князя И.М. Кольцова-Мосальского за восемнадцать дней с 8 по 25 мая 1675 г. сбежали 758 человек. На Дон воевода повел 4 847 ратных людей, но к моменту прибытия в пункт назначения их количество уменьшилось на 1 576 человек [14. Оп. 1. 1675 г. Д. 2. Л. 119об., 136, 188–188об.]. Если учесть, что в мае 1675 г. размещенное в Ратном городке войско насчитывало 4 603 человека [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 476об., 485об.], то к лету, после прихода полка князя И.М. Кольцова-Мосальского, это число могло вырасти лишь до 7,8 тысяч, но никак не до 20 с лишним тысяч, как указал Н.А. Смирнов.

Несмотря на то, что по мере активизации открывшихся в 1673 г. военных действий России против гетмана П.Д. Дорошенко на Правобережной Украине [14. Оп. 1. Кн. 4. Л. 506–507об.; 1. Т. 12. с. 438, 450–452, 455–457, 460–463, 468–469;

31. С. 89–92; 53. С. 78–81, 85–87; 27. С. 39–51] приазовский театр войны отходил на второй план внешней политики Порты, в 1675 г. для защиты Азова по суше и по морю опять были отправлены дополнительные войска и артиллерия. В августе взятый в плен под Валуйками янычар, участвовавший в татарском набеге, сообщил на допросе, что в Азове сконцентрировано до десяти тысяч человек пехоты и тысячи человек конницы. Однако в этом году как российская, так и османская сторона воздержались от наступательных действий в Северо-Восточном Приазовье [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 478об., 481об.; 54. С. 108; 8. С. 169; 9. С. 112].

В сентябре через Черкасск проследовал объединенный отряд князя К.М. Черкасского, воеводы стольника Ивана Юрьевича Леонтьева и калмыцкого нойона Мазана-батыра, направлявшийся из Царицына в поход на Крым. Вместе с присоединившимися позже донскими и запорожскими казаками во главе с атаманами Ф.М. Минаяевым и И.Д. Серко, численность отряда достигла двух тысяч человек. Попытавшись с боем прорваться в Крым через залив Сиваш, альянс не добился успеха и отступил в Запорожье [8. С. 166–169; 9. С. 110–112; 52. С. 82–85; 2. С. 321; 55. С. 31–35]. Дислоцированные в Ратном городке русские полки в этом походе не участвовали.

Согласно Н.А. Смирнову, «Азов должен был сковывать силы двадцатитысячного русского отряда да еще десяти тысяч донских казаков, в то время как основные турецкие силы вместе с крымским ханом начали войну с Русским государством за Украину» [3. С. 133]. В действительности же все происходило с точностью до наоборот. Размещенные на Дону российские войска, ежегодно пополнявшиеся свежими силами, создавали угрозу Азову и Крыму, а Порты для обеспечения их безопасности была вынуждена отвлекать часть своих и крымских войск от других фронтов войны с Речью Посполитой и Россией. Азов с 1672 г. практически находился на осадном положении. По свидетельству отбитых у азовцев в сентябре 1674 г. пленников, азовский бей писал «к турецкому салтану и к хану беспрестанно о помочи себе», на что получил ответ: «Как знаете, так и чините, а помочи не будет, надобно де им войско против ратных великого государя людей, будущих на Украине, и против поляков» [50. С. 177, 179].

Московские планы фортификационного строительства в Северо-Восточном Приазовье вызвали недовольство и резкое противодействие донского казачества. Войсковой атаман К.Я. Яковлев подвергся в Войсковом кругу унижению и вынужден был оставить пост, после чего казаки избрали на его место М.Л. Самарянина (не менее лояльного Москве) [14. Оп. 1. Кн. 8. Л. 465об.–466, 570–570об., 572об.–573об., 574 об.–576; 41. Оп. 1. Д. 2221. Л. 17–18, 24–26; 43. С. 349–351; 2. С. 315, 319–320; 1. Т. 12. С. 478–479]. Как писал жене князь П.И. Хованский, «на Дону смутка стала великая» [42. С. 310]. Казаки хотели добиться от правительства вывода с Дона ратных людей под предлогом того, что и без них «Войска (Донского. – П.А.) много». В ноябре 1675 г. приехавшие с Дона двое московских стрельцов докладывали в Посольском приказе, что в казачьих городках «по станичным избам казаки все говорят, что хотят собрався итти [...] на ратных людей, которые в Ратном городке, и воевод и всех начальных людей и стрельцов московских побить всех, а городовым стрельцам дать волю»; если же царь придет на Дон «рать большую», то они «замиряцца с Озовом и поднимут Крым» [43. С. 350, 352]. В создавшейся конфронтационной обстановке проект постройки под Азовом трех укреплений также не удалось осуществить. Допрошенный тогда же в Посольском приказе прибывший из Ратного городка полуголова московских стрельцов Василий Волжинский, ранее уже служивший на Дону в 1660–1664 гг., считал, что тогда «казаки жили смирно, и налог никаких государским людем не чинили, и оборон[у] на казаков давали», — не то что в нынешнее время. В отношении боевого сотрудничества русских воевод

и Войска Донского офицер был настроен пессимистично, поскольку «службы де от казаков к великому государю радательной и в те годы мало он, Василей, видал, кроме того, когда пройдут на море и себе учинят добычу, или украткою человек по пяти и по шести языков побрав, на окуп отдают, а чтоб полком стоять — того он в прошлой и в нынешней службе не видал» [41. Оп. 1. Д. 2221. Л. 5].

В 1676 г. к Черкасску были отправлены свежие силы — полк воеводы стольника Ивана Федоровича Волынского, состоявший из трех стрелецких приказов численностью 1 200 человек. Отряд И.Ф. Волынского должен был сменить стрелецкие приказы «первой трети», пришедшие на Дон в 1673 г. с И.С. Хитрово. В отличие от предыдущих воевод, перед И.Ф. Волынским в Москве не поставили конкретных военных целей. Согласно наказу, он был послан «для промыслу над неприятели — турскими и крымскими людьми». При новом царе Федоре Алексеевиче приазовскому театру военных действий по-прежнему придавалось большое значение — об этом свидетельствуют планы правительства послать на Дон в дальнейшем «третью треть» на смену войск, присланных туда в 1674–1675 гг. [14. Оп. 1. 1676 г. Д. 13. Л. 40–44, 59, 61–62, 70–71, 77–78, 119, 171; 6. С. 85]

Воевода И.Ф. Волынский прибыл в Ратный городок в октябре 1676 г. и принял общее командование у князя И.М. Кольцова-Мосальского. Князь П.И. Хованский к тому времени был отозван в Москву, а Я.Т. Хитрово умер еще в 1675 г. В момент приема-передачи войск в укреплении находились всего 2 734 стрельца «первого наряду» — почти на порядок меньше того количества, которое ошибочно указывал Н.А. Смирнов применительно к 1675 г. [14. Оп. 1. 1676 г. Д. 16а. Л. 1, 6; Д. 13. Л. 114, 119; 1677 г. Д. 5. Л. 27; 56. С. 337]

Помимо решения туманно сформулированных военных задач, на И.Ф. Волынского была возложена вполне конкретная и весьма ответственная дипломатическая миссия: заключение с Крымским ханством договора о «вечном мире». Таким образом, две полученные воеводой в Посольском приказе инструкции прямо противоречили друг другу: ему предписывалось воевать с турками и крымскими татарами и одновременно вести с ними мирные переговоры. Также воеводе поручили выкупить из крымского плена несчастного боярина В.Б. Шереметева⁶, которого для этого в июле 1677 г. специально доставили из Чуфут-кале в Азов вместе с князем А.Г. Ромодановским и другими русскими пленными (всего 24 человека) [58. С. 250–252, 254–257]. В результате, ни одно из полученных заданий военачальник и дипломат не смог выполнить с равным успехом.

Весной 1677 г., когда османская армия готовилась к вторжению на Правобережную Украину, И.Ф. Волынский при поддержке Войска Донского активизировал военные действия под Азовом. Но в июле 1677 г. правительство царя Федора Алексеевича решило отозвать войска с Дона, так как еще в марте получило согласие Бахчисарая на предложение организовать размен пленных и начать мирные переговоры в регионе. В соответствии с грамотой из Посольского приказа от 24 июля, ратным людям следовало находиться на Дону «только для той размены», после осуществления которой все они по царскому указу «з Дону распущены будут». Чтобы начать переговорный процесс, 3 августа И.Ф. Волынский послал в Азов к сандакбею Мехмеду-паше и прибывшему из Крыма мирзе

⁶ Киевский воевода Василий Борисович Шереметев командовал российским войском в битве с объединенными польско-крымскими силами при местечке Чуднове в 1660 г. После поражения и капитуляции был пленен великим коронным гетманом Ст. Потоцким, который передал его крымскому нуреддин-султану. Пробыл в крымском плену двадцать один год, до 1681 г. — за это время на бахчисарайском престоле сменились четыре хана [1. Т. 11. С. 84–88; Т. 12. С. 395–396; 57. С. 149–158].

Али-аге стрелецкого полуголову Федота Рахманова. Намерение воеводы обсуждать условия мира с Крымским ханством поставило бея и мирзу в тупик, так как они не были уполномочены на заключение каких-либо договоров. Освобождение В.Б. Шереметева закономерно отошло на второй план, так как И.Ф. Волынский попытался поставить его в зависимость от успеха мирных переговоров. Присланный в Азов подьячий Иван Решетов от лица воеводы заявил Мехмеду-паше и Али-аге, что если они подпишут мирный договор, боярин будет выкуплен, «а буде не учинят договора о вечном мире, Шереметева не окупят». Возмущенные Мехмед-паша и Али-ага в присутствии подьячего приказали заковать знатного пленника в кандалы. Мирные переговоры провалились, не успев начаться. Али-ага, видя «нерадетельное дело» И.Ф. Волынского, уехал из Азова, передав 16 августа В.Б. Шереметева и других пленных на турецкую галеру для транспортировки обратно в Крым. В начале осени полк И.Ф. Волынского со всем вооружением и боеприпасами покинул низовья Дона. Результаты проведенных после его прибытия в Воронеж смотров показали, что с Дона вернулись 3 584 стрелца, включая сотников. Сам воевода и его товарищи, «которые в Азове были в пересылках», после жалобы В.Б. Шереметева и ноты везира Крымского ханства Батыра-аги были допрошены в Москве по царскому указу и боярскому приговору от 24 декабря 1677 г. [19. С. 100; 58. С. 256–258, 263–266, 268–272; 8. С. 176–178; 14. Оп. 1. 1677 г. Д. 18. Л. 1–7; 49. Оп. 12. Д. 834. Л. 73; 6. С. 86, 92; 33. С. 569–570]. Сепаратный мирный договор между Россией и Крымом не был заключен, так как хан Селим-Гирей I отклонил мирную инициативу Москвы.

Утверждение А.И. Ригельмана о том, что в 1677 г. Россия приложила «неотменное» старание для получения Азова, противоречит фактам. В материалах текущего делопроизводства Посольского приказа содержатся сведения лишь об обсуждении А.С. Матвеевым с представителями Войска Донского (К.Я. Яковлевым и Р.О. Калужаниным) возможности взятия Азова, но не более того. Насколько серьезен был интерес Москвы к этим планам, судить сложно. Тем не менее, заслуживает внимания мнение Г.З. Байера, согласно которому эскалация боевых действий под Чигирином помешала России «в действо произвести» намерение «о взятие Азова», — в первую очередь, из-за нежелания вести войну на два фронта [59. С. 43; 60. С. 117]. В следующий раз российские войска пришли на Дон уже во время первого Азовского похода 1695 г., предпринятого в рамках начавшейся в 1686 г. новой войны против Османской империи.

Наивная попытка российских властей начать мирные переговоры с Крымским ханством накануне похода османской армии к Чигирину изначально была обречена на провал, так как не отвечала интересам Порты, в фарватере внешней политики которой следовал хан Селим-Гирей I. Военное положение России осложнялось тем обстоятельством, что с момента заключения 17 октября 1676 г. Журавинского мирного договора между Речью Посполитой и Османской империей, она самостоятельно несла на себе тяжесть войны [32. С. 122–123]. В этой связи нельзя не согласиться с выводом В.П. Загоровского о том, что решение Москвы об отзыве войск с Дона «вряд ли было правильным». «Находясь под Азовом, готовя сухопутные и морские наступательные операции, русские войска в 1673–1677 гг. отвлекали на себя весьма значительные силы турок и татар», которые затем были брошены к Чигирину и Белгородской черте [6. С. 86]. Некоторые современники тех событий, в частности — константинопольский и иерусалимский патриархи, считали прекращение боевых действий в Приазовье стратегическим просчетом Москвы. В 1679 г. они и другие «нарочитые» стамбульские греки через находившегося в османской столице московского иеромонаха Тимофея советовали российским властям послать войска в Крымское ханство и к Азову, вместо того,

чтобы стеречь Днепр, поскольку «доколе Крым цел стоит и Азов, [...] царского величества земля не есть без страху от него»⁷ [61. Оп. 1. Кн. 18. Л. 244об.—245]. Однако понимание этого пришло к правителям России нескоро.

Вплоть до конца XVII в. геополитическая ситуация в Северо-Восточном Приазовье оставалась прежней. Первая в истории война между Российским царством и Османской империей, охватившая пространство от Приднепровья до Северного Кавказа, завершилась крушением захватнических планов османов и подписанием в 1681 г. Бахчисарайского мирного договора, установившего между обеими странами перемирие на двадцать лет [62. № 854; 32. С. 139]. Но соглашение не смогло обеспечить безопасность южнорусских земель.

Лишь после заключения 26 апреля 1686 г. Московского договора о «вечном мире», вечном оборонительном и временном наступательном союзе с Речью Посполитой [62. № 1186; 63. С. 316—370] произошло коренное изменение формы борьбы России с Османской империей, выразившееся в организации в 1695—1696 гг. двух Азовских походов с личным участием царя Петра I. Целью походов было взятие Азова и изгнание турок из низовьев Дона [64. С. 659—663].

Долговременная дислокация близ Черкаска воеводских полков в 1670-е годы не принесла Российскому царству ни ощутимых военных побед, ни территориальных приобретений. Боевую активность воевод в Северо-Восточном Приазовье сковывала половинчатая внешнеполитическая линия А.С. Матвеева, нацеленная лишь на частичное изменение баланса сил в регионе путем создания военного противовеса Азову. Тем не менее, присутствие русских войск в низовьях Дона и их военные акции против Азова и крымских поселений на берегу Азовского моря не могли не повлиять на ход войны 1672—1681 гг. Османская тактика в Приазовье, наоборот, носила в эти годы ярко выраженный оборонительный характер. Но судьба войны решалась в 1677—1678 гг. в боях за Чигирин.

Впервые предпринятые российским правительством в 1673—1675 гг. попытки построить несколько крепостей в дельте Дона и гирле Миуса натолкнулись на противодействие донского казачества, которое не было заинтересовано в усилении позиций государства в регионе. Это обстоятельство послужило одной из главных причин провала плана блокады Азова и нейтрализации исходящей от него угрозы.

Довольно успешные совместные действия русских войск и донских казаков против Османской империи в Северо-Восточном Приазовье на начальном этапе войны 1672—1681 гг. ознаменовали переход России к наступательной стратегии в регионе, способствовали усилению антагонизма противоборствующих сторон и стали, в некотором роде, прологом к Азовским походам Петра I. Несомненно, подготавливая их, юный царь и его более опытные сподвижники опирались на опыт, полученный во время предыдущей войны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 11—12 // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. М., 1991. Кн. 6.
2. *Сухоруков В.Д.* Историческое описание земли Войска Донского. Ростов н/Д., 2001.
3. *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 2 (Ученые записки МГУ. Вып. 94).
4. *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948.
5. *Загоровский В.П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969.

⁷ Впервые обративший внимание на этот факт Н.А. Смирнов ошибочно отнес его к 1680 г. [3. С. 163].

6. *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980.
7. *Рябов С.И.* Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992.
8. *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667–1677 гг. (от Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1986.
9. *Фаизов С.Ф.* Участие России и Крымского ханства в польско-турецкой войне 1672–1676 гг. (обзор боевых действий) // Славянский сборник. Саратов, 1995. Вып. 5.
10. *Бурдей Г.Д.* Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.
11. *Куц О.Ю.* Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: Политическая и военная история. М., 2014.
12. Донские дела / Ред. В.Г. Дружинина. Пг., 1917. Кн. 5 (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 34).
13. Эвлия Челеби. Книга путешествия: (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Сост. и отв. ред. А.Д. Желтяков; предисл. А.П. Григорьева; примеч. и коммент. А.П. Григорьева, А.Д. Желтякова. М., 1978. Вып. 2.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 111 (Донские дела).
15. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 1.
16. *Санін Г.О.* Боротьба України і Росії проти турецької агресії в 1672 р. // Український історичний журнал. 1971. № 12.
17. *Степанков В.С.* Боротьба України і Польщі проти експансії Османської імперії у 1672–1676 рр. // Україна і Польща в період феодалізму: Збірник наукових праць. Київ, 1991.
18. *Флоря Б.Н.* Поход османов на Речь Посполитую в 1672 г. и Россия // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2018. № 1.
19. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишним / Ред. А.А. Карасева, Х.И. Попова. Новочеркасск, 1891. Т. 1.
20. *Ходырева Г.В.* Взаимоотношения России и гетманов Украины с Турцией в 1666–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.
21. *Селифонтов Н.Н.* Очерк служебной деятельности и домашней жизни стольника и воеводы XVII столетия Василья Александровича Даудова // Летопись занятий Археографической комиссии за четыре года. СПб., 1871. Вып. 5. Отд. 1.
22. *Попов А.Н.* Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник: Журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. 1857. Т. 8.
23. *Косиненко Н.И.* Первая русско-турецкая семилетняя война: Чигиринские походы 1677–1678 гг. СПб., 1911.
24. *Водарский Я.Е.* Международное положение русского государства и русско-турецкая война 1676–1681 гг. // Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955.
25. *Яфарова М.Р.* Русско-османское противостояние в 1677–1681 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2017.
26. *Мещеряков Г.П.* Русско-турецкие войны 17–19 вв. // Советская историческая энциклопедия: [В 16 т.] М., 1969. Т. 12.
27. *Заруба В.М.* Чигиринські походи: хроніка подій російсько-турецької війни 1676–1681 рр. Дніпропетровськ, 2013.
28. *Богданов А.П.* Неизвестная война царя Федора Алексеевича // Военно-исторический журнал. 1997. № 6.
29. *Богданов А.П.* В тени Петра Великого. М., 1998.
30. Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией / Ред. Н.В. Калачева, А.И. Тимофеева. СПб., 1857. Т. 6.
31. *Ходырева Г.В.* Украинский вопрос во внешней политике России в 1673–1676 гг. // Культура народов Причерноморья. 1999. № 11.
32. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
33. *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории: 1656–1671 гг. М., 2006.
34. *Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор в конце XVII века. [2-е изд., испр.] СПб, 2008.
35. *Кривоченков Р.С.* Развитие русского военного дела в конце 60-х – начале 80-х гг. XVII в. (на примере русско-турецкой войны 1672–1681 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010.

36. *Лобин А.Н.* Подготовка похода на Азов: малоизвестный эпизод русско-турецкой войны 1672–1681 годов // *Война и оружие: Новые исследования и материалы: Материалы международной научно-практической конференции в 2-х ч.* СПб., 2010. Ч. 2.
37. *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов н/Д., 1983.
38. *Мининков Н.А.* Основы взаимоотношения Русского государства и донского казачество в XVI – начале XVIII вв. // *Казачество России: прошлое и настоящее: Сборник научных статей.* Ростов н/Д., 2006. Вып. 1.
39. *Алмазов А.С.* Политический портрет украинского гетмана Ивана Самойловича в контексте русско-украинских отношений (1672–1687 гг.). М., 2012.
40. *Чепухин А.Г.* «Пролом» Новооскольского вала в 1673–1677 годы // *От Донца до Ворсклы: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты.* Белгород, 2016.
41. Российский государственный архив древних актов. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки).
42. Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Публ. Г.Г. Лукьянова // *Старина и новизна: Исторический сборник, издаваемый Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.* М., 1905. Кн. 10.
43. Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сборник документов / Сост., предисл. Е.А. Швецовой; ред. А.А. Новосельского, В.И. Лебедева. М., 1962. Т. 3.
44. *Аваков П.А.* Русские государственные укрепления на Нижнем Дону в XVI–XVII вв. (до 1695 г.) // *Рубикон: Сборник научных работ молодых ученых.* Ростов н/Д., 2001. Вып. 13.
45. *Рогожин А.А.* Думный дворянин генерал-поручик Г.И. Косагов // *Вопросы истории.* 2011. № 9.
46. *Великанов В.С.* К вопросу о создании Тамбовского разряда в 1680–1681 гг. // *Белгородская черта: Сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты.* Белгород, 2018. Вып. 3.
47. Государственный архив Воронежской области. Ф. И-182 (Воронежская приказная изба).
48. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II-м отделением Собственной Его императорского величества канцелярии. СПб., 1852. Т. 3.
49. Российский государственный архив древних актов. Ф. 210 (Разрядный приказ).
50. Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством 1672–1675 гг. / Сост. Н.М. Рогожин, М.М. Батмаев. Элиста, 2003.
51. *Аваков П.А.* «Азовский поход» 1646 г. // *Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VI Токаревские чтения): Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 4–5 мая 2017 г.).* Ростов н/Д., 2017.
52. *Максимов Н.Н.* Проект русского наступления на Крым в годы польско-турецкой войны (1672–1676) // *Славянский сборник.* Саратов, 1993. Вып. 5.
53. *Флоря Б.Н.* Россия, Речь Посполитая и Правобережная Украина в последние годы гетманства П. Дорошенко (1673–1677 гг.) // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики.* 2016. № 3.
54. *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма: Научное наследие. М., 1994.
55. *Торопыцын И.В.* Участие астраханских юртовских татар в походе в Крым в 1675 г. под началом князя К.М. Черкасского // *Современные тенденции развития науки и технологий: Периодический научный сборник по материалам XIX Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 31 октября 2016 г.).* 2016. № 10. Ч. 4.
56. *Корсакова В.Д.* Хитрово, Яков Тимофеевич // *Русский биографический словарь.* СПб., 1901. Т. Фабер – Цявловский.
57. *Корсакова В.Д.* Шереметев, Василий Борисович // *Русский биографический словарь.* СПб., 1911. Т. Шебанов – Щютц.
58. *Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1904. Кн. 8.
59. *Ригельман А.И.* Ростов на Дону 150 лет назад. Ростов н/Д., 1918.
60. *[Байер Г.З.]* Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова от создания сего города до возвращения онаго под Российскую державу / Пер. И.К. Тауберта. 3-е изд. СПб., 1782.
61. Российский государственный архив древних актов. Ф. 89 (Сношения России с Турцией).
62. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 2.
63. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах: Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
64. *Аваков П.А.* Зачем Петр I предпринял поход на Азов? // *Русь, Россия: Средневековье и Новое время.* М., 2019. Вып. 6 (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 163. Сер. 2: Исторические исследования: [№] 102).